

Чжан Баошунь носился по округе с криками, во всё горло расписывая, как в уезде собственными глазами видел своего «фулана», да ещё не одного, а в компании какого-то мужика.

- Нацепил мне зелёную шляпу! Сделал из меня рогоносца! — орал он так, что об этом скоро судачил весь посёлок Линшуй. Он стал посмешищем, а другим только этого и нужно, чтобы за чаем перемывать ему косточки.

— Впервые вижу, чтоб сам себе измену напророчил, — весело хохотал один из мужиков. — Я ж от смеха чуть не подавился!

— А то! — подхватила тётка с вёдрами. — Кто ж знает, сколько той ослиной мочи он опять накатил, что теперь с головой беда.

Толпа сельских тётушек и дядек как раз развлекалась этим разговором, когда по дороге к ним приблизились Юань Цуйфан и Лю Хуэй-нян - обе бледные, как бумага. Народ тут же встрепенулся, повскакивал с табуреток, освободил место и бросился помогать.

— Ай, Цуйфан, Хуэй-нян, что с вами? Лица белее мела, прямо одна страшнее другой!

Две женщины переглянулись, потом Цуйфан, запинаясь, сказала:

— Мы... мы слышали всё, что вы сейчас говорили....

Люди переглянулись - никто ничего не понял. Услышали, ну и что? Это же не какой-нибудь секрет...

Полуденное солнце нещадно палило с небес, цикады громко стрекотали, деревенские ребятишки босиком сновали по пыльным тропинкам - всё, как обычно в летний день. Но в эту минуту у двух женщин, стоявших посреди деревенской улицы, по спинам струился холодный пот, а руки налились ледящей тяжестью.

— Ш-шуньцзы... не врал. Мы... мы тоже видели того гера, — с трудом выдавила Юань Цуйфан, голос едва не дрожал.

— Чего?! — толпа ахнула в один голос.

— Не болтайте ерунды! — кто-то тут же вскрикнул.

Когда-то именно старейшины деревни во главе с деревенским старостой приняли общее решение отправить того странного юношу, подхватившего пугающую, будто бы заразную болезнь, в глубокие горы. Его туда отнесли не семьи Цуйфан и Хуэй-нян, но... ведь всё было

ради блага всей деревни. И как бы они теперь ни пытались отстраниться, с той историей были связаны все. Если тот гер и правда питает злобу, если он стал злобным духом... значит, его гнев обрушится на всех.

Когда о встрече с ним говорил один только Чжан Баошунь, над этим ещё можно было смеяться. Но Юань Цуйфан и Лю Хуэй-нян - это совсем другое дело. Эти двое не из тех, кто станет шутить с подобным.

— Правда! Клянусь, мы обе видели его своими глазами! — Лю Хуэй-нян проговорила сбивчиво, с трудом дыша. — А тот второй, тот мужчина рядом с ним, это вовсе не какой там любовник, как говорил Шуньцзы... это... это Хо-далан...

Стоило ей произнести это имя вслух, как сердце гулко стукнуло, а лицо побелело.

— Что?! — разом вскрикнули все, глаза округлились, челюсти повисли в воздухе. Мгновение длилось целую вечность, ни один человек не смог вымолвить и звука.

Будто марионетки на нитях, они медленно, с неестественной синхронностью повернули головы в сторону гор. С детства они слышали от стариков сказки о злых духах, что бродят в горах: не слушаешься - тебя утащат и сожрут. Тогда это казалось пугалками для малышек. Но с возрастом, когда обзавелись семьями, поняли, что это просто стариковские выдумки... или всё же нет?

Неужели... слухи были правдой?

Деревня Линшуй, едва начав оправляться от страха, вновь погрузилась в мрак тревоги. Под навесом у дома сидел деревенский староста, хмурый, раздражённо посасывал трубку с табаком. Он уже допросил всех поодиночке: все трое, не сговариваясь, твердили одно и то же: в уезде видели обоих - того гер и мужчину, что был с ним.

Семью Чжан и сваху, вместе с Баошунем после того случая заперли в доме. За ними наблюдали, а знающийся в травах лекарь тщательно осмотрел каждого. Только когда убедились, что ни у кого нет странных симптомов, запрет на выход из дома сняли. Башоунь, вернувшись, по-прежнему был бодр и полон энергии, так что наказания за побег не последовало.

Если те, кто контактировал с тем гером, остались целы и невредимы... Может, он вовсе и не болен никакой чумой или заразой? Может, всё это было ошибкой?

Если тот юноша выжил... Если он действительно сейчас живёт в горах... Тогда то, что они сделали той ночью... разве не равносильно убийству?

Староста затянулся трубкой, но пальцы дрожали, частота затяжек всё возрастала, а лицо

становилось всё мрачнее. Он не мог этого не сделать тогда, всё было ради деревни. Он не мог позволить, чтобы весь Линшуй погиб из-за одного чужака. Не мог.

Он сам не особенно верил в байки о мстительных духах. Но всё же... худой, бледный, почти при смерти гер - как он вообще мог выжить в такой глуши?

А что до Хо-далана... Он лично был в доме Хо. Видел следы волчьих лап, ведущие в горы. Если Хо-далан каким-то чудом вырвался из волчьей пасти... почему за всё это время ни разу не вернулся?

В голове мысли сплелись в тугой узел. И без того редкие волосы на его макушке, казалось, вот-вот и вовсе исчезнут.

И тут прямо в этот момент вбежал Хо Цзисюэ, распахнул калитку и, заметив мрачно сидящего старика, принялся дёргать его за рукав:

— Дедушка, скажи тётушке Сяо Тин, чтоб она не пускала её за лотосами, ладно? Красивый брат сказал, что она может утонуть!

— Что ты сказал?! — староста от неожиданности выронил трубку. — Мы же давно строго-настрого запретили детям подходить к тому пруду! Что творит мать Сяо Тин?..

Он резко поднялся, уже готовый рвануть к её дому, но вдруг его шаги оборвались на полпути.

— А ну говори честно, — прищурился староста. — Ты ведь всё-таки водил Сяо Тин к пруду за моей спиной, а?

Хо Цзисюэ тут же напрягся, как натянутая тетива, и стал трясти головой с такой скоростью, будто колокольчик на ветру:

— Не-не-не, не водил! Дедушка сам говорил, что туда нельзя, в пруду живёт чудовище, оно людей ест!

Староста сузил пронизательные глаза, в которых до сих пор светилась живость:

— Не водил, да? А тогда кто такой этот... «красивый брат»?

Хо Цзисюэ резко прикрыл рот ладонью, на лице застыло выражение “всё пропало”. Староста даже не стал дожидаться объяснений: и так всё стало ясно.

— Ах ты, проказник... Жди, когда отец вернётся, он тебе ноги переломает!

— Уаааа! Нет, дедушка, не говори папе! Я не хочу, чтобы мне ноги ломали! Я ещё хочу с Сяо Тин за дичью бегать! — Хо Цзисюэ обнял старика за ногу, завыл в голос, слёзы лились градом.

Староста уже не знал, то ли вздыхать, то ли смеяться. Десять лет от роду, а уже по девчонкам носится. Что ж дальше будет?

— Встань, — вздохнул он, — и скажи мне, кто этот «красивый брат»?

Он точно знал, что раньше внук ни про кого такими словами не говорил.

Хо Цзисюэ, всхлипывая и утирая слёзы, аж захлёбывался сквозь икоту:

— Он... ну... просто красивый брат...

— Сяо Тин сказала, что он красивый... он ей ещё лотосов подарил...

Староста закатал рукав и сам вытер внуку лицо - слёзы, сопли и всё остальное. Потом мягко, но настойчиво продолжил расспрашивать:

— Вы его встретили у пруда?

Хо Цзисюэ кивнул и... смачно вытер остатки соплей об дедушкину одежду. Тот скривился, глядя на размазанный позор у себя на рукаве - вот уж где была настоящая трагедия.

— Он из деревни?

В голове старосты неожиданно всплыл образ того самого гера, которого выдали в доме Чжан. Если кто и мог заслужить от детей прозвище «красивый брат», так только он.

Но Хо Цзисюэ покачал головой:

— Впервые его видел...

И тут старосту словно током ударило - он вспомнил самую важную деталь. Он резко выпрямился и прищурился, пристально вглядываясь в лицо внука:

— У него волосы короткие?

Хо Цзисюэ втянул в нос остатки соплей и медленно, но уверенно кивнул:

— Угу. Короткие.

В голове старосты вдруг зазвенело, будто в ушах ударил колокол, а перед глазами замелькали образы того самого гера - как в калейдоскопе, сцены из прошлого, забытые детали. Ноги подкосились, он едва не упал и еле успел схватиться за стоящее во дворе дерево.

— Зовите людей! — хрипло велел он. — Немедленно! Пусть кто-нибудь пойдёт к пруду, там наверняка остались следы.

А в это время Лин Си, не подозревая, что его местоположение вот-вот раскроется, уже стремительно шёл по дороге. Один, налегке, он двигался быстро и менее чем за полчаса добрался до уезда. Он уверенно свернул к медицинскому залу «Янчунтан». Там, как обычно, было многолюдно, очередь тянулась до улицы.

Как только он вошёл, его тут же заметил один из учеников, молодой помощник аптекаря. Тот сразу узнал красавца-гера и с широкой улыбкой подбежал поприветствовать его.

Последние дни Лин Си не ленился и каждый вечер учился у Хо Цзюя понемногу говорить на местном наречии. Сейчас он уже мог понимать простые фразы и объясняться в быту. Перед выходом он специально расспросил Хо Цзюя, как произносится «доктор Лю», и запомнил точно, как машина.

Когда он повторил эти слова помощнику, тот сразу понял, зачем пришёл юноша: ищет врача Лю. «Удивительно... — мелькнуло у него в голове. Неужели правда есть человек, который осмелился прийти на второй приём к доктору Лю?»

Доктор Лю, как обычно, скучал в самом дальнем закутке клиники, бессмысленно рисуя черепа на бумаге. Услышав шаги, он лениво приподнял голову и тут же подпрыгнул, радостно бросившись навстречу вошедшему:

— Хо-фулан! Вы зачем пришли? Неужели с лекарствами для брата Хо что-то не так?!

Лицо доктора Лю тут же побледнело до смертельной белизны. Этого не может быть! Он же всё проверил! Несколько раз! Назначил только самые базовые, щадящие тонизирующие препараты... максимум, они могли не подействовать, но никак не навредить!

Лин Си, заметив, как с лица врача сползла краска, в душе только усмехнулся: вот уж неуверенность в себе... Как с таким лицом вообще можно вести приём? Интересно, у кого больше смелости - у него или у владельцев этого медпункта... хотя нет, скорее всего у пациентов.

— Не, не за этим. Я хотел узнать, вы придумали уже схему, как лечить его ногу?

— Схема? — доктор Лю немного не понял. — А... вы про метод лечения?

— Я с дедом посоветовался, — ответил он, осторожно наблюдая за реакцией Лин Си. — Чтобы полностью восстановить ногу брата Хо, нужно будет сломать кость и собрать заново...

Он украдкой взглянул на лицо Лин Си, будто опасаясь, что тот в следующую секунду со всего размаху заедет ему кулаком.

Слова доктора Лю в целом совпадали с тем, что Лин Си уже предполагал. Похоже, в этом времени хирургию уже начали понемногу развивать. Больше всего его беспокоили два момента: опыт самого хирурга и высокий риск послеоперационного заражения. Провести операцию в по-настоящему стерильной обстановке здесь было, мягко говоря, затруднительно.

— Хо-фулан... — запинаясь, снова заговорил доктор Лю. — Вы... кажется, не совсем поняли, я сейчас тебе объясню...

Скорее всего, думал он, раз гость так спокойно реагирует, значит, просто не понял, что речь идёт о том, чтобы переломать кости и собрать заново.

Но Лин Си, не моргнув, поднял взгляд и с полной серьёзностью сказал:

— А, то есть разрезать ногу, а потом срастить кость в правильной позиции?

Глаза доктора Лю чуть не вывалились из орбит:

— Вы... Вы... вы, что, яньи*?!

(ПП: врачеватель нарывов и язв)

Слово звучало знакомо. Лин Си был уверен, что уже где-то его слышал - то ли в какой-то книге, то ли в разговоре мельком попадалось.

— А яньи это кто?

Блестящие от вдохновения глаза доктора Лю в один миг потухли, словно кто-то задул свечу.

— Яньи — это... ну, врачи, которые занимаются порезами, гнойниками, всякими нарывами и кожными язвами. По сути, режут и лечат гниль. Их не считают настоящими лекарями. Так что вы можете и не знать.

Так вот оно что, - Лин Си вдруг понял. Оказалось, яньи - это просто ранний прообраз хирургов. И правда, ему смутно вспоминалось: такие врачи всегда считались «низшими», вытесненными из мира «истинной» медицины. Настоящие приверженцы традиционной китайской медицины презирали их, считали грубыми ремесленниками. А уж разговоры о вскрытии черепа или живота вообще казались дикой ересью, а не просто нелепицей, а кощунством. Вспоминался один древний случай: великий лекарь предложил сделать трепанацию черепа какому-то властному полководцу и в результате... его быстро «заставили замолчать». Навсегда.

И в самом деле, в эпоху, когда наука только-только начинала пробиваться сквозь толщу суеверий, когда считалось, что «тело, кожа и кости - дары от родителей, их трогать нельзя», хирурги не имели никаких шансов развиваться по-настоящему. Всё это теперь казалось закономерным.

— Зачем же вы так сами себя унижаете, доктор Лю? — спокойно сказал Лин Си. — Лечить людей - это всегда достойно уважения. Будь ты хоть яньи, хоть приверженец традиционной медицины - цель-то у всех одна.

Он уже понял, в чём суть: доктор Лю явно был учеником яньи, поэтому и не блистал в технике «осмотра, выслушивания, опроса и пульса» - основах классической медицины.

— Хо... Хо-фулан!.. — лицо доктора Лю скривилось, губы задрожали, и через миг он уже рыдал в голос, как ребёнок.

Он даже потянулся было обнять Лин Си, но в последний момент остановился, будто вспомнив что-то важное, и поспешно убрал руки.

— Ууухх... Мужчинам нельзя касаться геров... — всхлипывая, пробормотал он, чуть не подавившись собственной моралью.

Дождавшись, пока доктор Лю наплачется всласть, Лин Си молча протянул ему платок с соседнего стола.

— Я давно хотел спросить... Почему вы всё время зовёте меня Хо-фулан? И вообще, гер - это кто?

Доктор Лю, как раз высмаркивающийся в платок, застыл с этим платком у лица, как статуя. Он медленно поднял взгляд на Лин Си, округлив глаза.

— Вы... вы издеваетесь надо мной?

Лин Си невозмутимо покачал головой, не моргнув:

— Нет. Я только недавно с гор спустился. Даже с деньгами ещё толком не разобрался.

Доктор Лю аж откинулся назад от возбуждения и восторга и с воодушевлением ткнул в него пальцем:

— Я знал! Я сразу понял! Вы ведь один из тех, да? Отшельник-великий мастер! Они всегда так: живут в горах, появляются только когда страна в опасности, ищут мудрого правителя и спасают государство!

Лин Си: «...»

Такое открытое проклятие в адрес императора - ты не боишься, что тебе язык отрежут?

— Нет, — сухо ответил он. — Просто бедный. Если бы не спустился, с голоду бы умер.

— Понимаю, понимаю! — доктор Лю заговорщицки подмигнул. — Настоящие великие отшельники никогда не признаются!

Лин Си демонстративно отвернулся, делая вид, что ничего не слышал, и горько пожалел, что вообще задал этот вопрос - надо было держаться подальше от этого врача-фантазёра...

— Идём-идём-идём, я вам сейчас наглядно объясню, — воодушевлённо сказал доктор Лю, сдёргивая со стола свой лист с черепахой и начав писать на чистом: мужчина, гер, женщина.

— У нас в Дашэн есть три рода людей, — начал он с гордостью за страну. — Мужчин и женщин вы знаете. А геры... они снаружи выглядят почти как мужчины, только телосложение тоньше, силы меньше, да и лицо мягче, изящнее. Но главное - у них есть способность рожать. Хоть и трудно, и редко, но возможно, независимо от того, выйдут ли они замуж или женятся.

— Погодите. — Лин Си прищурился. — Рожать? Вы имеете в виду прямо как женщины? Девять месяцев, плод, роды?

Он, конечно, считал, что после жизни в постапокалипсисе его уже ничем не удивить... но сейчас мозг звенел, как после удара по железному колоколу.

— Не, — покачал головой доктор Лю.

Лин Си уже собрался облегчённо вздохнуть, но тут врач добавил самым будничным тоном:

— Геры рожают через девять лунных месяцев.

— Кхе-кхе-кхе-кхе! — Лин Си закашлялся, чуть не поперхнувшись собственным воздухом. — Можно, пожалуйста, без таких пауз между фразами?!

Он хлопнул себя по груди, пытаясь прийти в себя, но движение замедлилось... Что-то в голове вдруг щёлкнуло.

— Тогда... фулан - это?.. — осторожно уточнил Лин Си.

Доктор Лю не подвёл. Под взглядом Лин Си он без колебаний выпалил:

— Фулан - это как называют гера, если тот вышел замуж.

...

То, что до этого маячило на краю сознания, теперь хлынуло лавиной. Всё, что с ним произошло с момента попадания в этот мир, промелькнуло перед глазами, как кино в обратной перемотке.

Так вот оно что.

Доктор Лю... считает его гером, и не просто гером, а замужним гером. Замужем... за братом Хо.

Он думает, что я вышел замуж за Хо Цзюя.

Как озарение. Как ушат ледяной воды. Как молния в темноте.

Лин Си перевёл взгляд на доктора Лю:

— То есть... вы думаете, что я гер?

— Ну конечно, — кивнул тот с полнейшей уверенностью. — Даже если бы вы жили в самой столице, среди всех геров вы бы всё равно были одним из самых красивых. Без сомнений.

Дело не в том, что отношения между мужчинами здесь настолько открыты; по-настоящему законны отношения между мужчиной и «гером». Поэтому никого это не смутило. Он думал, что они хотят выдать за него замуж дочь, а они считали его гером.

А та фраза, в горячем источнике... «Как может быть такой бесстыдный гер, как ты!» — теперь тоже заиграла новым смыслом.

Плечи Лин Си едва заметно дрогнули. В уголках губ появилась тонкая улыбка. А потом он разразился смехом - громким, открытым, неудержимым хохотом.

Как могла случиться такая нелепость? Это же... это просто абсурд!

Лин Си не мог перестать смеяться, настолько нелепым всё это оказалось. Его всерьёз все вокруг приняли за гера, и это заблуждение тянулось с самого начала. А ведь он даже не пытался вводить кого-то в заблуждение, оно как-то само собой вышло...

Он вспомнил того мужика, которого вырубил одним пинком. Так этот придурок реально хотел на нём жениться? Хотел, чтобы он - он! - родил ему ребёнка?!

А брат Хо... брат Хо, которого он скинул в горячий источник... Наверное, тот тогда испытал настоящий культурный шок. Теперь-то всё ясно, почему он так обозлился и бросил ту фразу: «Как может быть такой бесстыдный гер, как ты!»

Смеясь до слёз, Лин Си наконец выпрямился, вытирая глаза. Доктор Лю сидел напротив, побелев как лист, с выражением лица «жизнь потеряла смысл». Он был абсолютно ошарашен. А Лин Си, не щадя его, с безжалостной доброжелательностью подкинул ему вторую волну шока:

— Спасибо за комплимент... но я - настоящий мужчина.

<http://bllate.org/book/13580/1204863>